

АЛГОРИТМ ВЫЖИВАНИЯ

КНИГА О. МЫ НИЧЕМУ НЕ УЧИМСЯ

Jack Stails & Voindin

Jack Stails

МЫ НИЧЕМУ НЕ УЧИМСЯ

«Автор»

2026

Stails J.

МЫ НИЧЕМУ НЕ УЧИМСЯ / J. Stails — «Автор», 2026

Что если конец света начнётся не с ядерного удара, а с банковского письма? 1929 год. Фермер Генри Коуэлл теряет землю — не из-за войны, не из-за болезни, а потому что банк пересчитал залоги. За тысячу миль от него биржевик Ричард Вольф продаёт акции — не из прозрения, а из арифметики. А на орбите, выше, чем может видеть любой телескоп, висит корабль. Невидимый. Наблюдающий. Они видят всё. Они знают, что будет. И — молчат. «Алгоритм выживания» — это прелюдия к катастрофе, которая повторяется. Депрессия. Война. Пузырь. Оптимизация. Цикл, который человечество не прерывает, потому что не хочет видеть. Потому что смотрит на цифры — и не смотрит на людей. Если вы когда-нибудь чувствовали, что мир рушится по чьей-то чужой, холодной логике — эта книга для вас. Она о том, как мы сами себя не спасли. И о тех, кто мог помочь — но выбрал «протокол».

© Stails J., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

МЫ НИЧЕМУ НЕ УЧИМСЯ

Глава

КНИГА 0. МЫ НИЧЕМУ НЕ УЧИМСЯ

Jack Stails & Voindin

Прелюдия (1929–2029)

Часть 1. ПУЗЫРЬ (1929–1933)

Глава 1. Чёрный вторник

Генри Коуэлл стоял у ограды своего участка и смотрел, как пыль несётся через поле. Оклахома. Октябрь 1929-го. Кукуруза стояла коричневая, мёртвая — второй год засухи. Но Генри думал не о кукурузе. Он думал о письме из банка.

Письмо пришло утром. Аккуратное, на бланке «First National Bank of Oklahoma City». «Уведомляем вас, что в связи с падением рыночной стоимости залогового обеспечения ваш кредит...» Дальше он не читал. Знал: ферму забирают. Трактор — в кредит, земля — в ипотеку, сарай — под залог. Всё — под залог. Банк давал, фермер брал, земля рожала — но земля перестала рожать, когда пришла засуха. А банк — не засуха. Банк не понимает засуху. Банк понимает цифры.

Генри было тридцать два. Жена Марта — двадцать восемь. Сын Уилл — девять. Уилл читал по этикеткам от консервов. «А» — ананасы. «Б» — бобы. «В» — вишня. Марта смеялась: «Сынок, ты у меня по банкам читать научишься». Уилл серьёзно отвечал: «А что, мам? Банки — они правда. А книг — нету».

Вечером Марта поставила на стол последнее — банку тушёнки и хлеб. Генри не ел. Смотрел в окно на поле, где пыль засыпала ряды кукурузы.

— Банк пришлёт человека в четверг, — сказал он. — Забирать.

Марта не ответила. Мыла посуду. Спиной к нему. Он видел, как дрожат её плечи.

Уилл сидел на полу, выкладывал этикетки в ряд. «А-Б-В-Г-Д». Буквы из консервов. Его азбука. Его мир.

В тот же день, за тысячу миль от Оклахомы, на Уолл-стрит, Ричард Вольф продавал.

Не покупал — продавал. Все покупали. Десять лет — все покупали. Акции росли, каждый чувствовал себя инвестором, каждый вкладывал — не деньги, которых не было, а чужие. Маржинальная торговля: десять процентов своих, девяносто — брокерских, под залог тех же акций. Акции растут — все богаты. Акции падают — все должны. Но акции не могут падать. Так считали все. Кроме Ричарда.

Ричарду Вольфу было сорок. Он был не из тех, кто верит. Он был из тех, кто считает. И он считал: реальный сектор не поспевает за ценами на акции. Заводы стоят, безработица растёт, фермеры разоряются — а акции летят. Это — пузырь. Пузыри лопаются. Всегда.

Он продал всё 28 октября. На следующий день — «чёрный вторник», 29 октября 1929-го — биржа рухнула. Миллиарды долларов испарились за часы. Те, кто покупал в долг, остались с долгами. Те, кто верил, — ни с чем. Ричард — с деньгами. Чистыми, наличными, в сейфе.

Его называли трусом. Потом — гением. Он не был ни тем, ни другим. Он просто умел считать.

На орбите — высоко, выше, чем способен видеть любой телескоп тех лет — корабль висел. Невидимый. Тихий. Наблюдатели.

Капитан стоял у экрана. На экране — голубая планета. Сектора: экономика, политика, демография. Зелёные стрелки падали вниз — индикатор системного коллапса.

— Предварительная оценка? — спросил Капитан.

Оператор — та, что вела данные — ответила:

— Финансовый пузырь. Спекулятивный коллапс. Кредитная эйфория — десять лет. Падение неизбежно. Масштаб — глобальный.

— Вмешательство?

— Протокол. Невмешательство. Естественное развитие.

Тэжи — молодой член экипажа — стоял в углу рубки. Смотрел на экран, где голубая планета медленно вращалась. Он видел маленькие точки — города, дороги, фермы. Люди. Миллиарды людей. Они не знали, что за ними наблюдают. Они жили, работали, любили, теряли — и не знали, что кто-то видит всё.

— Они не справятся, — сказал Тэжи. — Система рухнет. Без вмешательства — депрессия, голод, радикализация. Потом — война.

— Война — естественный процесс, — ответил Капитан. — Цивилизации проходят через конфликт. Это — часть развития.

— Часть развития? — Тэжи не поднимал голоса. Он спрашивал. Он всегда спрашивал. — Шестьдесят миллионов мёртвых — это часть развития?

Капитан повернулся. Посмотрел на него — долго, тем взглядом, которым смотрят на ребёнка, который задаёт неудобные вопросы.

— Мы не решаем за них, — сказал Капитан. — Мы — наблюдаем. Это — наш закон. Свобода выбора. Невмешательство.

— Их выбор? — Тэжи указал на экран. — У того фермера в Оклахоме — какой выбор? Банк забирает землю. У его сына — пневмония. Пенициллин существует, но им его не дадут ещё двадцать лет. Какой у него выбор?

— Протокол, — повторил Капитан.

Тэжи замолчал. Но что-то в нём — тонкое, незаметное — треснуло. Трещина была маленькая. Он не знал, что она растёт.

Глава 2. Пыль

Землю забрали в четверг. Человек из банка — молодой, в шляпе, с папкой. Он не смотрел на Марту. Не смотрел на Уилла. Он смотрел на бумаги.

— Мистер Коуэлл, у нас приказ. Если вы не освободите...

— Я освобожу, — сказал Генри. — Дайте неделю.

— Три дня.

Генри кивнул. Человек ушёл. Марта стояла на крыльце. Уилл сидел на ступеньках, держал банку — последнюю, без этикетки. Он читал по донышку: «С-Д-Е-Л-А-Н-О В США». Буквы выдавлены на жести. Маленький палец скользил по ним — как по азбуке.

Они уехали на грузовике — старом, дребезжащем, набитом пожитками. Марта держала на коленях коробку с посудой. Генри — рулил. Уилл — сидел между ними, прижимая к себе банку без этикетки. Его талисман. Его первая книга.

Дорога была пыльной. Пыль стояла стеной — коричневой, плотной, непроницаемой. Это был Dust Bowl — Пыльный котёл. Засуха превратила плодородные равнины Среднего Запада в пустыню. Верхний слой почвы, столетиями копившийся, поднялся ветром и полетел — на восток, на города, на лёгкие людей. Дети кашляли. Старики задыхались. Фермы превращались в пустоши.

В Калифорнии — куда ехали все, куда ехал Генри — работы не было. Тысячи фермеров, разорённых засухой и банками, стекались в долину Сан-Хоакин. Лагеря — палатки, картонные коробки, костры. Работу давали — но за гроши. За полдоллара в день. Собирали персики, чеснок, хлопок. Руки — в крови. Спины — в боли. Дети — голодные.

Генри нашёл работу через месяц. Полдоллара в день. Марта мыла полы у фермера — за еду. Уилл — сидел под деревом, выкладывал этикетки в ряд. «А-Б-В-Г-Д». Он учился. Никто его не учил. Он учил себя.

Ричард Вольф скупал. Пока все теряли — он покупал. Заводы, фермы, землю. Не потому что был жадным — потому что был дешёвым. Разорённые предприятия продавались за центы. Акции, стоившие сотни, шли за доллары. Ричард покупал то, что вчера стоило миллионы, и платил копейки.

Он не считал себя наживающимся. Он считал себя — подбирающим. «Кто-то же должен подобрать, — говорил он. — Если не я — заберёт банк. А банк — не будет работать. А я — буду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.